

УДК 37.0.14

А. М. Склярова*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МОРАЛИ В ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ И. КАНТА

Рассмотрены основные принципы и нормы моральной философии И. Канта на основе анализа текста работ по метафизике нравственности: «Критика практического разума», «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука». Проанализированы основные разделы практической философии И. Канта, в которых дана классификация и обоснование основных принципов и норм этики долга: автономия воли как высший принцип нравственности; понятие свободы воли; императивы нравственности: гипотетический, категорический; этика долга, постулаты и принципы морали; идея бессмертия души и существования Бога. Особое внимание уделено критике кантовских принципов морали: формализма, эвдемонизма, ригоризма. Выделены актуальные для современного мира аспекты нравственной философии И. Канта.

Практическая философия, автономия и гетерономия воли, гипотетический и категорический императивы, свобода воли, долг, счастье, человек как высшая цель и ценность, моральный мотив, максимы поведения, моральное уважение, моральное достоинство, совесть, добро

В условиях релятивистской моральной парадигмы, которая доминирует в современном мире, особенно важно осмысление великих этических систем с их непреходящей ценностью и фундаментальностью. Поэтому обращение к этическим трудам И. Канта весьма актуально.

Личность И. Канта (1724–1804) характеризуется удивительной педантичностью и свободолобием. Этими чертами пронизана и вся его философия.

Нравственная философия И. Канта формируется в период становления и развития буржуазных отношений в европейских странах, когда происходит освобождение от религиозной идеологии, формирование гражданского общества, рыночных отношений, республиканских форм правления. Духовная эмансипация личности требовала нового подхода к проблемам морали. И главным здесь был вопрос, может ли личность найти нравственную опору в самой себе без опеки со стороны ремесленно-цехового строя, Бога, иерархии семейного диктата. Иначе говоря, отход от традиционных этических систем ставил перед философами и моралистами новую задачу обоснования системы принципов и норм морали, опирающихся на индивидуализм в условиях секуляризации общества. По мнению И. Канта, эмпирические принципы морали (себялюбие или воспитание) покоятся на случайных основаниях и также как религиозная мораль оказываются для человека внешними. Эмпирические системы морали не объясняют их безусловность, а теологические – их личностную автономную природу, поэтому Кант создает теоретическую конструкцию, которая объединяет эти два момента. Сам он пишет так: «Все понимали, что человек своим долгом связан с законом, но не догадывались, что он *подчинен только своему собственному* и, тем не менее всеобщему законодательству и что он обязан поступать,

лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласно цели природы» [1, с. 274]. Таким образом, И. Кант осмысливает нравственность как закон автономии воли каждого разумного существа.

В чем состоит этот нравственный закон? Исследование его составляет обоснование учения о нравственности. Если этот закон есть чистый закон разума, независимый от опыта, то познание его метафизично и образует обоснование метафизики нравов. Нравственность может существовать только у разумных существ. Разум познающий – это теоретический разум. Разум действующий – это практический разум. Следовательно, моральная способность может быть описана только в практическом разуме. Существует ли подобная способность и в чем она заключается, составляет предмет исследования «Критики практического разума». Из доступного каждому человеку представления о природе морального поведения нужно получить и ясно себе представить истинное и всеобщее понятие морального. Здесь И. Кант следует сократическому методу: переход от обычного нравственного познания к философии морали.

Мы называем поступок хорошим, если нравственно одобряем его. Понятие добра кажется вначале более широким, чем понятие морального. Что такое добро? Мы говорим о благах человеческой жизни и понимаем под ними те дары счастья, которые выпадают на долю человека: богатство, здоровье, слава, ум, красота, остроумие и т. п. Но все эти блага могут стать злом, в зависимости от цели их применения, смотря по тому влиянию, которое они оказывают на душу человека. Богатство может делать человека алчным, скупым или расточительным, тогда оно не благо. Даже душевные качества – самообладание, умеренность не сродни добродетели, если они служат честолюбивым, эгоистическим намерениям. Иными словами, все сокровища и личные преимущества делаются добром только в соответствии с целями, которым они служат. Пользуется же ими воля. Воля ставит перед нами цель, она дает нам намерения и, следовательно, присоединяет к этим благам то, что по нравственному рассудку только и делает их добром. Нет ничего хорошего кроме воли. По мнению Канта, воля есть единственное начало всякого добра и зла. Добрая воля является абсолютным моральным началом. Кант пишет об этом так: «Нигде в мире, да и нигде вне его, невозможно мыслить ничего, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме *доброй воли*» [1, с. 228]. Далее Кант разъясняет: воля есть способность поступать по сознательным представлениям, по разуму, она есть практический разум. Когда воля действует не по разумным основаниям, а по бессознательным представлениям, тогда действует не воля, а инстинкт. Цель разумных существ, по Канту, не может заключаться лишь во внешнем благополучии – счастье. Для этого инстинкт был бы более надежным средством. Образованность и нравственная утонченность не делает людей счастливее. Часто дело обстоит совсем наоборот. Поэтому быть средством достижения блаженства не может быть намерение разумной воли; она не может желать быть только орудием улучшения жизни. Разум делает волю не средством, а целью. Доброй волей может быть только в качестве высшей ценности и цели. Под доброй волей Кант имеет в виду безусловную, чистую волю, которая, существуя сама по себе без каких-либо влияний на нее, является практической необходимостью. Иначе говоря, абсолютная необходимость состоит в «*абсолютной ценности чистой воли, которой мы даем оценку, не принимая в расчет какой-либо пользы*» [1, с. 229]. С помощью понятия обязанности Кант проводит границу между доброй волей и ее противоположностью. Только одна воля добра, а именно – воля по долгу. Например, купец не обманывает покупателей, и поступок его соответствует долгу (при этом он может не иметь ни малей-

шей склонности к честности), а следует последней из страха или боязни наказания, посрамления или потери клиентов и т. п. Очевидно, что в данном случае соответствует долгу лишь поступок, а не воля; такая воля не добра.

По отношению к доброй воле необходимо учитывать не только поступок, но и его мотив. Кант приводит пример поступка, в котором естественная склонность совпадает с долгом (долг самосохранения). Добра ли воля, если она исполняет долг самосохранения только из себялюбия? Разве последнее не может служить причиной многих злых поступков? Мыслима ли добрая воля, которая имела бы побудительный мотив, общий со злой волей? Когда я сохраняю свою жизнь только из себялюбия, то мой поступок и моя склонность соответствуют долгу, но не моя воля. Если же воля отвращает человека от суицида из чувства долга, то такая воля добра.

Долг требует благотворительности. Если я не благотворительствую, то я поступаю против долга, если же я благотворительствую, ожидая похвалы, то я поступаю по долгу, но эгоистично; если я совершаю добро, потому что я испытываю сострадание к нуждающимся, потому что их вид меня трогает и, помогая им, я освобождаюсь от тяжелого состояния души, следовательно, благодеяние доставляет мне удовольствие, и я поступаю по долгу, который, в конце концов, сводится к эгоизму. Действительно, по Канту, хорошо я поступаю только в том случае, если я благотворительствую исключительно по велению долга: «...необходимость моих поступков из *чистого* уважения к практическому закону есть то, что составляет долг...» [2, с. 176]. Таким образом, «когда речь идет о моральной ценности, то суть дела не в поступках, которые мы видим, а во внутренних принципах их, которые мы не видим» [2, с. 180]. Побудительный мотив поступка делает волю доброй – это и есть субъективный принцип хотения и, в отличие от объективного принципа, он называется *максима*. Максимой действительно морального поступка не должна быть естественная склонность, а только исключительно лишь представление о долге. Вот как об этом пишет Кант: «Так, без сомнения, следует понимать и места из священного писания, где предписывается как заповедь любить своего ближнего, даже нашего врага. Ведь любовь как склонность не может быть предписана, как заповедь... Она кроется в воле, а не во влечении чувства, в принципах действия, а не в трогательной участливости; только такая любовь и может быть предписана как заповедь» [2, с. 171].

Поступок из чувства долга имеет свою моральную ценность не в той цели, которая может быть посредством него достигнута, а в максиме его совершения, т. е. в принципе веления. Ведь воля стоит как бы на распутье между своим априорным принципом, который формален, и своим апостериорным мотивом, который материален, и, если поступок совершается из чувства долга, ее должен определить формальный принцип веления вообще. Таким образом, долг есть необходимость совершения поступка из уважения к закону. Лишь то, что связано с моей волей, что не служит моей склонности, а перевешивает ее, совершенно исключает, по крайней мере, склонность из расчета при выборе, стало быть, только закон сам по себе может быть предметом уважения и тем самым – заповедью. «Итак, поступок из чувства долга должен совершенно устранить влияние склонности и вместе с ней всякий предмет воли. Следовательно, остается только одно, что могло бы определить волю: объективно – закон, а субъективно – *чистое уважение* к практическому закону, стало быть, максима – следовать такому закону даже в ущерб всем моим склонностям» [2, с. 172]. Таким образом, нравственные принципы должны быть а priori самостоятельны, из них уже необходимо иметь возможность выводить прак-

тические правила. Когда побудительной причиной моего поступка является не что иное, как представление о долге, тогда я исполняю закон только из уважения к закону. Таким образом, формула блага такова: добра только воля, соответствующая долгу и исполняющая его из уважения к закону. Только та воля является доброй волей, поступок, закон и максима которой не имеют иного содержания, кроме одного долга. Отсюда вытекает и то, какова должна быть максима морального поступка: она должна совпадать с законом: *«Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»* [2, с. 196]. Закон имеет значение строгой всеобщности для всякой воли, для всех разумных существ. С этой точки зрения можно проверить всякий поступок на его моральность. Поступок, вытекающий из эгоизма, не может быть моральным, так как такая максима разрушила бы саму себя. Кант приводит пример с ложным обещанием. Может ли данное обещание соответствовать долгу? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо провести мысленный эксперимент и задаться вопросом: хочу ли я, чтобы каждый имел право давать ложные обещания, когда ему это выгодно? То есть, хотел ли бы я, чтобы ложь стала общим для всех законом? Эта максима бы привела нас к «парадоксу лжеца». Стало быть, став всеобщим законом, моя максима с необходимостью разрушает себя.

Высший принцип морали найден: добро и зло различаются максимой воли как самой побудительной причиной поступка. Максима моральна, если она может стать всеобщим законом, т. е. если она исключает эгоистические мотивы. Обычное сознание хотя и может отражать моральное, но оно, как и само чувство, стоит слишком близко ко всей области природных склонностей, чтобы помочь разобраться между ними и нравственным законом, не переходя на сторону склонностей, если последние совпадают с нравственным законом. Долг исключает склонности, поэтому он по своей форме есть не чувство, а понятие или идея. Обыденное мышление не дошло до такого взгляда на долг, и только философия морали дает это понятие. Природная диалектика легко представляет склонность в виде долга. Учение о нравственности разрушает эту иллюзию, изгоняя из сакрального понятия долга всю область естественных склонностей; оно дает нравственному сознанию уверенность, без которой трудно быть нравственным. Таким образом, понятие морали определено: нет ничего нравственного кроме воли, максима которой может быть закономерна и всеобща. Теперь, по Канту, остается ответить на вопрос: как возможна мораль? Это вопрос моральной философии. Объяснение может быть двояким – из опыта или из чистого разума. В первом случае оно будет эмпирическим, во втором – метафизическим. Внутренний опыт дает нам познавательное основание морали, но оно не есть его реальное основание. Философская популярность и популярная философия – вещи совершенно разные. Из опыта в лучшем случае можно вывести правило для многих случаев, но никогда нельзя вывести всеобщего, не допускающего исключения закона. Закон всеобщий не выводим из опыта, а только лишь из чистого разума. Поэтому нравственный закон имеет значение только для воли и для ее максимы, он имеет значение для всех существ, обладающих волею или практическим разумом. Таким образом, философия морали по своему научному характеру не может быть ничем иным, как метафизикой нравов. Нравственный закон – объективный принцип воли. Так как он присущ разумным существам, то он оказывается и субъективно необходимым.

Иначе говоря, воля соотносится не только с разумом. Поэтому нравственный закон в случае человеческой воли выступает как принуждение, долг, как веление, которое говорит: «ты должен». Закон природы гласит: «необходимо, так должно быть», нравственный закон говорит:

«ты должен поступать так». Всякое действие в природе, противоречащее закону, уничтожает его, доказывает его несостоятельность; ни один поступок воли, противный закону, не уничтожает нравственный закон и не наносит ущерба его необходимости. Поскольку нравственный закон в случае человеческой воли выступает как принуждение, как необходимость действовать вопреки эмпирическим побуждениям и склонностям, он приобретает форму принудительного веления – императива. Все практические законы, по Канту, законы – веления. Если же представить себе святую волю, то она руководствуется нравственным законом как единственным субъективным принципом, и поэтому он не является для нее императивом. *Императив*, таким образом, – это формула отношения объективного нравственного закона к несовершенной воле человека. Совершенная воля в этом не нуждается, вот как пишет об этом Кант: «...для *божественной* и вообще для *святой* воли нет никаких императивов; *долженствование* здесь не на своем месте, так как *веление* само собой необходимо согласно с законом. Поэтому императив суть формулы для выражения объективных законов воления вообще к субъективному несовершенству воли того или иного разумного существа, например, воли человека» [2, с. 188].

Императивы могут быть *гипотетические* и *категорические*. Гипотетические императивы можно назвать условными, относительными. Они говорят о том, что поступок хорош в каком-то отношении, для какой-то цели. Поступок оценивается в данном случае с точки зрения его возможных последствий. В качестве примера гипотетического императива Кант приводит советы врача больному. Категорический императив, по Канту, не есть правило мудрости, техническое предписание, а закон: закон этот имеет в виду нравственность, цель которой исключительно в ней самой. Категорический императив требует, чтобы внутренний мотив поступка был таков, чтобы он мог стать всеобщим законом. Всеобщий закон есть выражение необходимости без всякого исключения, безотносительно какой-либо цели: «Будь честным», «Не лги», «Не лжесвидетельствуй». Только *категорический императив*, по Канту, можно назвать *императивом нравственности*. И наоборот, только императив нравственности может быть категорическим. Категорический императив предписывает воле привести свои максимы в соответствие с ним и формулируется он так: «*Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом*». [1, с. 260]. Вся человеческая нравственность выводится из этого одного – единственного принципа. Закон ограничения максим условием их общей значимости для всех людей означает, что человек как моральное существо является высшей целью и ценностью. Моральные отношения предполагают: «*Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [1, с. 270]. Относительную цель постоянно мотивирует гипотетический императив. А основание категорического императива – абсолютная цель. Относительная цель имеет значение лишь при известных условиях, абсолютная цель имеет значение сама по себе. Относительная цель имеет значение средства. Всякая цель, служащая средством для другой цели, относительна. «*Абсолютной мы называем такую цель, которая не является средством, а только целью: такая цель имеет значение сама по себе, она – самоцель, высшая ценность*». Каждый человек есть цель сама по себе, высшая ценность. Человек, по Канту, как моральное существо всегда должен рассматриваться как высшая ценность и цель, и никогда как средство: «*разумное существо существует как цель сама по себе*» [2, с. 206]. Принцип человечества и каждого человека как цели самой по себе является всеобщим, объективным. Как самоцель личность обладает абсолютной ценностью или достоинством, по Канту. Если нравственный закон выполняется, то он предполагает, что люди уважают друг друга и не используют друг друга в качестве средства.

Для окончательного определения нравственного закона необходимо еще одно свойство, ибо всеобщее значение и человеческое достоинство, взятые сами по себе, еще не составляют морального характера. Важно то, по какому побуждению происходит поступок, соответствующий нравственному закону. Пока максимы вытекают из эгоизма, они чужды закону. Условием нравственного закона является воля, исполняющая его из уважения к закону. Такое выполнение закона возможно только тогда, когда закон не есть нечто чуждое и навязанное извне, а тогда, когда он является собственным законом, который воля дает сама себе. Я могу познать нравственный закон только в том случае, если моя собственная воля является законодательницей его. В этом смысле воля автономна. Только автономная воля может поступать нравственно, ибо только такая воля может исполнять долг ради долга. Повиновение закону делает личность членом в царстве целей, автономия воли делает ее главой в нем. Именно поэтому автономия воли обуславливает моральность исполнения закона и составляет собственный принцип нравственности и учения о нравственности. Если разум автономен, если он единственный и исключительный источник всякого практического законодательства, то из этого следует, что законы его обладают безусловной всеобщностью и требуют безусловного исполнения, т. е. они имеют категорическое значение. По этому принципу будут отвергнуты все максимы, несовместимые с собственным всеобщим законодательством воли. Из этого совершенно ясно, что все предшествующие попытки найти принцип нравственности оказались неудачными. Все понимали, что человек своим долгом связан с законом, но не догадывались, что он подчинен только своему собственному, и тем не менее всеобщему законодательству. Он обязан поступать лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы. Он самодостаточен: «В самом деле, если его представляли себе только подчиненным закону (каков бы он ни был), то закон должен был заключать в себе какой-нибудь интерес как приманку или принуждение, так как он не возникал как закон из *его* воли, а *что-то другое* заставляло его волю поступать определенным образом согласно закону» [2, с. 210]. Другими словами, если императив должен обуславливаться своим или чужим интересом, он не годится в качестве морального веления.

Рассматривая отличие догматического принципа морали от критического, Кант отмечает, что моральность заключается не в закономерности волевого поступка, а в его максиме, воля которой сама является законодательной. Догматические системы морали полагают нравственную волю в совпадении ее с законом, который они выводят из иных условий. В таких системах, по Канту, не достает нравственного ядра. Разумная природа воли только одна: поэтому существует только один принцип автономии, только одно учение о нравственности на нем основывающееся. Догматическая система нравственности основывается на эмпирических и метафизических принципах. Догматическое учение о нравственности придерживается либо учения о душе, либо теологии. В первом случае принципом и критерием нравственного поведения оно делает человеческое совершенство, во втором – божественную волю. Эмпирические концепции исходную точку нравственного поведения ищут в чувстве удовольствия (Эпикур, английские моралисты нового времени). Мораль не может быть тем, что побуждает человека психологически, что образует внутренний механизм его естественных склонностей и стремлений. Нравственность, таким образом, – это долженствование, обращенное к человеку, а не от природы заложенное в нем стремление или чувство. Подчеркивая нормативный внепсихологический характер морали, Кант останавливается на так называемой теории нравственного чувства. Логика этой концепции такова, что если отнюдь не все влечения человека являются ис-

точником его моральности, то существуют все же некоторые особые, специфически нравственные чувства благожелательности, которые свойственны человеку. Кант возражает на это следующим образом: ни одно из непосредственно-спонтанных чувств – доброжелательность, сочувствие, сострадание, симпатия, участие и другие – сами по себе еще не являются истинной добродетелью, ибо эти душевные порывы, естественные побуждения могут толкнуть человека отнюдь не только на путь добра, но и к совершению зла. Ошибочно было бы полагать, что Кант вообще не признавал в морали подобного рода человеколюбивых стремлений. Кант признает мотивы человеколюбия нравственными при условии, что они не просто выражают психологические склонности человека, а поставлены под контроль долга, определены моральным законом как их объективным критерием. Отрицается, таким образом, лишь непосредственность (врожденность или внутренняя спонтанность) доброй воли. Причина кроется в том, что человек не должен притязать на святость, на то, что он в своем собственном естестве несет нравственное начало. Той нравственной ступени, на которой стоит человек, соответствует, по Канту, не святость намерений воли, а самоограничение и следование долгу.

Возможность морали и категорического императива предполагают волю самозакондательную или автономную, но как возможна автономия воли? Если воля есть сама свой собственный законодатель, то она определяет сама себя и является исключительной причиной того, что она делает. Эта независимость от всех внешних причин называется «свободой». Когда мы определяем свободу как свободу от всех причин, то определяем ее через то, чем она не является, и употребляем это понятие в его отрицательном значении. Если бы воля не была бы свободна в этом смысле, то она никогда не могла бы быть автономной: таким образом, понятие свободы есть ключ к объяснению автономии воли. Независимость воли от естественных причин не обозначает независимость ее от всех причин вообще, такая свобода была бы произволом или беззаконием, несовместимой с понятием воли, ибо воля – это способность поступать согласно представлениям. Следовательно, она причина, следствия которой ее поступки: она причинность и как таковая закономерна. Закон ее действия не дан ей, она сама дает его себе. Свобода в позитивном смысле означает не произвол, а автономию. Свобода воли и автономия – понятия тождественные. Нравственный закон есть познавательное основание свободы, свобода есть реальное основание нравственности.

Так как нравственный закон не мог бы существовать, если бы не было свободы, то не могло бы быть в нас и нравственного закона при отсутствии возможности выбора. Учение о нравственности говорит: «мы должны, следовательно, мы можем», оно также говорит: «мы можем, ибо мы должны». Как возможна свобода? Существует одна точка зрения, при которой свобода представляется невозможной, другая, при которой она должна мыслиться не только как возможная, но и как действительная и необходимая. Трудность в объединении этих подходов. Без трансцендентальной свободы невозможна свобода практическая, а без нее невозможна мораль, с необходимостью опирающаяся на свободу. Это позволяет рассматривать практическую свободу как независимость воли от всякого другого закона, за исключением морального. Очевидно, что в мире явлений свобода немислима, здесь царит детерминизм. Свобода немислима и во времени. Если я обусловлен чем-нибудь, то я поступаю несвободно. Поэтому свободу можно мыслить только как свойство существа, которое вне времени, которое не явление, а вещь в себе. Человеческая свобода несовместима, по Канту, с причинностью Бога и нашей полной зависимостью от него. Противоречие между идеей Бога и человеческой свободой неразрешимо, пока время и пространство считаются определениями «вещи в себе» и поэтому зависят от божественной деятельности. В условиях временного бытия свобода невозможна, поэтому и здесь

разрешение затруднения заключается в учении о трансцендентальной идеальности времени. Божественное творение как безусловная причинность независимо от всякого времени, т. е. оно вне времени. Что же касается поступков человека, все они включены во временной ряд. Из этого Кант заключает, что Бог не может быть причиной наших поступков, не может лишать человека свободы и ответственности за свой выбор. Более того, если причиной моих поступков будет иное существо, то, в сущности, я не свободен. Из космологической антиномии Канта вытекает: свобода как мировой принцип невозможна; она возможна как моральный принцип. Трансцендентальная свобода есть общий случай, практическая – частный случай. Если бы свобода не была бы мыслима в первом смысле, то она была бы невозможна и во втором.

Если рассматривать поведение человека, то поступки наши в одно и то же время и детерминированы и свободны: с этим двойным свойством они и должны представляться нашему собственному сознанию. Если они противоречат моральному закону, мы обвиняем себя, если соответствуют – одобряем. Оправдание поступков – это голос адвоката в нас, обвинение – голос судьи и обвинителя, это совесть. Тот внутренний голос, который Кант называет адвокатом, стремится оправдать поступки необходимостью, совесть изобличает его во лжи – она истинный знаток сердца, узнающий вину во всех оправдываемых доводах. Таким образом, если обобщить понятие свободы, она имеет три определения:

- она есть способность практическая (в отличие от способности познания);
- она есть воля в отличие от сил механических;
- она определяется чистым разумом в отличие от всех способностей, обусловленных эмпирически.

Иначе говоря, свобода есть чистый практический разум или чистая воля. Когда воля определяется объектами, она следует за желаниями, она обусловлена эмпирически. Эмпирическая воля есть ни что иное, как желание. Эмпирическая воля равна эгоизму, ее мотив – блаженство, благополучие и т. п. У каждого свое благополучие, блаженство, поэтому соединить эмпирические основы воли в один закон невозможно, поэтому блаженство никогда не сможет стать всеобщим законом, а потому оно никогда не сможет стать нравственным законом. Все эвдемонистические учения о нравственности основываются на эгоизме, себялюбии или удовольствии. Этот мотив дает направление воле. Подобная воля всегда предпочтет удовольствие болевому ощущению, большее наслаждение меньшему, более высокую степень приятного ощущения более слабой степени, большую продолжительность удовольствия меньшей продолжительности и т. п. Таким образом, из мотива удовольствия развивается целая система учения о счастье. Чистая воля не терпит ни малейшего эмпирического основания для своего определения, она уничтожается самой малой прибавкой эмпирического элемента.

Если выделить из воли все эмпирические или материальные основы определения, то для определения воли не останется ничего кроме формы закона. Если же мотив воли не может иметь иного содержания кроме формы закона, то он должен быть таким, чтобы основа определения воли или максима поступка была способна стать всеобщим законом: максима должна быть тождественна с нравственным законом. Таким образом, чистая воля определяется исключительно нравственным законом. Из сказанного ранее следует, что ни свободу нельзя доказать из опыта, ни возможность опыта из свободы. Нравственный закон возможен лишь при условии свободы, самое познание которой возможно только при условии нравственного закона. Свобода существует вместе с ним: только при условии свободы возможно нравственное поведение, моральные отношения. Нравственный закон придает

свободе объективную реальность. Уважение к закону составляет тот мотив, который может придать поступку моральную ценность. Автономия воли является высшим принципом нравственности. Автономия воли – это способность быть для себя законодательницей и в то же время выбирать только такие максимы, которые могли бы стать всеобщим законом. Кант об этом пишет так: «Мы считаем себя в ряду действующих причин свободными, для того чтобы в ряду целей мыслить себя подчиненными нравственным законам потому, что приписали себе свободу воли; ведь и свобода, и собственное законодательство воли суть автономия, стало быть взаимозаменяемые понятия» [2, с. 230]. Подводя итог анализа этической системы И. Канта, можно отметить, что основным признаком, на который ориентируется Кант в поисках нравственного закона, является его абсолютная необходимость. Таковым является категорический императив. Он должен обладать тремя признаками: а) касаться формы поступка, а не содержания, б) быть связан с волей действующего субъекта, в) быть целью самой по себе. И категорический императив отвечает этим требованиям. Он общезначим с точки зрения содержания, ибо не предписывает субъекту никаких поступков, а касается только максим воли. Он абсолютен с точки зрения целей, ибо ориентирован на абсолютную цель. Он безусловен с точки зрения причин, ибо его причиной является воля разумного существа.

На вечный вопрос, кто имеет право выступать от имени морали, как можно найти консенсус между людьми, имеющими разные представления о добре и зле, Кант отвечает: автономная этика, согласно которой воля каждого разумного существа является нравственно законодательной волей. Автономная этика рассматривает мораль не как итог согласия в обществе, а как ее необходимую предпосылку.

Долг основан на уважении к нравственному закону, и он означает практическое признание за каждым человеком внутреннего достоинства как законодателя нравственности в царстве целей. Нравственный закон требует чистоты морального мотива, его бескорыстности. Моральная свобода мыслится как подчинение воли категорическому императиву. Обосновывая необходимость нравственности, мы не можем обосновать безусловный закон, ибо это противоречило бы понятию безусловного и абсолютного закона. Вот как сам Кант об этом пишет: «Понятие умопостигаемого мира есть, следовательно, только *точка зрения*, которую разум вынужден принять вне явлений, для того, чтобы мыслить себя *практическим*» [1, с. 304]. Это означает для Канта, что нравственный закон не может быть предметом познания и следствием какого бы ни было логического суждения, он является предметом разумной веры.

Подлинно моральной настрой человека должен состоять в том, чтобы не ожидать наград ни в этом, ни в ином мире, а исполнять свой долг безотносительно каких-либо надежд, пусть даже стремление к счастью неискоренимо.

Идея категорической повелительности нравственного закона предполагает соединение необходимости и свободы человеческих поступков, когда их нравственная чистота дополняется эмпирической оправданностью. Речь идет о соединении добродетели и счастья. Как это возможно? Только тогда, когда счастье есть следствие добродетели. Но и это не всегда возможно в реальной жизни. Кант приводит пример, когда прикованный к коляске инвалид не может защитить ребенка от нападения хулиганов. Или честное ведение бизнеса у торговца может быть весьма прибыльным, однако, чтобы оно было моральным, необходимы дополнительные условия: 1) полное соответствие воли моральному закону, 2) необходимо самому природе преобразовать в соответствии с нравственной задачей, что возможно при

допущении Бога как создателя природы: «Высшая причина природы, поскольку ее необходимо предположить для высшего блага, есть... Бог» [1, с. 458]. Так в этической теории Канта в дополнение к постулату свободы появилось два новых постулата – бессмертие души и бытие Бога. Постулат свободы необходим как условие происхождения нравственности, а постулат бессмертия души и Бога как условие ее реализации.

Критикуя Канта за формализм, критики основной недостаток усматривают в том, что из морали выхолащивается живое содержание, реальные нравы. В действительности то, что именуется формализмом, имеет иной смысл. «Формализм этики Канта – обличье ее идеалистической сущности, а также ее направленность против всякой попытки обосновать нравственность эмпирически» [3, с. 328]. Кант ищет абсолютный нравственный закон, который является не только общезначимым, но и всеобщим. Любой содержательно определенный принцип неизбежно стал бы не объединяющим, но разъединяющим. Например, нормы католической морали значимы для католиков, мусульманские – для мусульман и т. п. Сведя нравственный закон к форме веления, Кант расширил духовное пространство человеческого сотрудничества до всего человечества. Кроме того, можно сказать, что формальный закон Канта не так уж формален. Ведь он утверждает ценность человеческой личности и ее полную нравственную суверенность. Таким образом, Кант возвышает идею человечности, внутреннего достоинства личности до единственно безусловного принципа воли, абсолютного морального канона. Этику Канта можно назвать формальной и пустой только в том случае, если считать формальными и пустыми человечность и свободу. «По Канту, моральность человека является его способностью понять общественную практику как порожденную им самим и охватить многообразие этой практики в целом благодаря автономии разума. Моральные возможности субъекта предстают как выражение его общественной сущности» [4, с. 438–439]. Что же касается эвдемонизма, то сам Кант отвечает на это так: «Чистый практический разум не хочет, чтобы отказывались от притязаний на счастье; он только хочет, чтобы эти притязания не принимались во внимание, коль скоро речь идет о долге» [1, с. 421]. В рамках критики эвдемонизма Кант проводит четкую грань между достоинством быть счастливым и самим счастьем. Нравственное достоинство есть одновременно условие счастья. Никакие обстоятельства – природные недостатки человека, его социальный статус – не могут лишить человека его нравственного достоинства, которое одно только и делает его достойным счастья [5, с. 226]. Счастье – это следствие долга, по Канту.

Ригоризм этики Канта ее критики связывают с противопоставлением долга склонностям. Долг есть практическое принуждение к поступку из уважения к нравственному закону. Это единственный нравственный мотив. Все, что совершается по склонности, не имеет отношения к нравственности и не может рассматриваться в качестве ее субъективного основания, даже если склонности совпадают с гуманистическими и альтруистическими устремлениями человека. Из этого не следует выполнение долга человеком непременно с чувством отвращения или ненависти. Кант лишь ищет мотив поведения адекватный абсолютности нравственного закона. И, по его мнению, таким мотивом может быть только сам нравственный закон. При этом надо помнить, что в реальной жизни человека нет поступков, которые совершаются только и исключительно на основе долга. В эмпирической жизни долг всегда сочетается со склонностями. Поэтому, чтобы выяснить соответствует тот или иной поступок долгу, необходимо установить его мотив. Нужно ответить на вопрос: вписываются ли склонности совершения поступка в общие рамки этической мотивации, заданной долгом. Критика кантовской этики по поводу того, что мораль в ней понимается как состояние доброй автономной воли,

которая замыкается в сфере должностования, делает ее практически бессильной, не совсем правомерна. Упускается из виду, что без отождествления морали с автономией воли нельзя было бы расшифровать мораль как систему абсолютных ценностей. Добрая воля, кроме того, накладывает вето на действия, противоречащие человечности и свободе личности.

И. Кант считал нравственный закон законом прямого действия, содержащим в себе основу своей обязательности, способность непосредственно действовать на волю. «Необходимость природы была гетерономией действующих причин, так как каждое действие было возможно только по тому закону, что нечто другое определяло действующую причину...; так чем же другим может быть свобода воли, если не автономией, т. е. свойством воли быть самой себе законом?» [5, с. 226]. Но, поскольку воля является человеческой волей, в ней моральные мотивы и мотивы целесообразности взаимодействуют и могут накладываться друг на друга. Например, мораль может санкционировать социально одобренные традиции, поведенческие стереотипы, общественно значимые цели. Это может привести к тому, что моральные кодексы различных культур и социальных групп могут сталкиваться, противоречить друг другу. Тогда возникает вопрос об истинности тех или иных кодексов в моральном аспекте. Возникает ситуация «двухсторонних притязаний», по Канту. Такая ситуация стимулирует этические размышления, направленные на переосмысление основных нравственных принципов. При этом возможны различные этические стратегии: догматическая (объявляет истинным один из кодексов); релятивистская, ставящая под сомнение существование одной морали; критическая (дается критика существующего морального сознания, вырабатывается новое понимание морали, в которой конфликтующие кодексы оказываются равноправными) [6, с. 30]. В опыте современного общественного развития существует тенденция нравственного детабуирования, десакрализации социальных норм, конфликт между этикой правил и этикой мотивов. В этой ситуации осмысление фундаментальной этической концепции долга И. Канта особенно актуально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика практического разума // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4, ч. 1. М.: Мысль, 1963–1965. 544 с.
2. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 3–146.
3. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Наука, 1973. 532 с.
4. Гусейнов А. А., Иррлитц Г. Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. 586 с.
5. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 447 с.
6. Гусейнов А. А. Этика доброй воли // Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2000. 36 с.

A. M. Sklyarova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

BASIC MORAL STANDARDS IN ETIC SYSTEM OF I. KANT

The article reviews main items of I. Kant ethical system based on I. Kant work "Critique of Pure Reason", "Groundwork of the Metaphysics of Morals", "Prolegomena to Any Future Metaphysics". The article analyzes the main issues of I. Kant philosophy: will autonomy as moral maxim; freewill; moral imperatives: hypothetical, categorical, ethics of duty, postulates and principles of morality; the idea of immortality of soul and the existence of God. The article focuses special attention on critique of Kant moral tenets: formalism, eudemonism, rigorism. The article marks actual aspects of Kant moral philosophy.

Practical philosophy, autonomy and heteronomy of will, hypothetical and categorical imperatives, free will, duty, happiness, person as the supreme goal and value, moral motive, maxims of conduct, moral respect, moral virtue, conscience, good